

«Лессинг и драма»

«Лессинг и драма» — таково название новой книги Иоганна Альтмана.

Автор так определяет историческое значение теории драмы Лессинга: «Лессинг противопоставляет формальным трем единствам французской драмы другое, реальное единство: единство действия, характера (положительного героя) и идеи драмы».

Напрасно было бы искать у Лессинга такую формулировку этих единств. Но в этом определении — квинтэссенция великой духовной работы, совершенной Лессингом.

Вряд ли пужно пространно доказывать, какое правильное и глубокое направление сообщают эти три единства драматическому искусству и какое значение имеют они для всех, кто серьезно размышляет над недостатками советской драматургии.

И. Альтман не только цитирует ленинскую характеристику просветителей, но и руководствуется ею в своем исследовании.

Среди писателей революционно-демократического типа Лессинг — самая прогрессивная и самая сильная личность. И. Альтман, приводя высказывания Чернышевского о Лессинге, доказывает прогрессивность и гениальность Лессинга высоким уровнем его философских воззрений — духовной близостью со Спинозой и предвосхищением феербахизма.

Историческое исследование может правильно отражать действительность только в том случае, если оно показывает, как продолжают действовать, жить творческие идеи. И. Альтман, применяя этот исторический метод, сумел очень убедительно показать, как Лессинг разработал и продолжил теоретическую работу Аристотеля в области теории искусства, несмотря на то, что просветитель XVIII века по ряду вопросов пришел к противоположным Аристотелю выводам в соответствии с новыми задачами драмы. Так, Аристотель считал важнейшим элементом драмы фабулу, Лессинг — характер.

Однако положения, с помощью которых И. Альтман доказывает открытие Лессингом трех единств и тем самым связи идей Лессинга с немецкой классической эстетикой, в основном правильные, страдают порой чрезмерной суммарностью. Например, Альтман говорит о том, что Лессинг требует «цельности» характера, и мимоходом, в скобках, отмечает: «Гегель говорит «целокупность». Но ведь для того, чтобы перейти от понятия «цельности» к понятию «целокупности», потребовалась колоссальная работа мысли.

И. Альтман доказывает, что громадная духовная работа Лессинга в области теории драмы целенаправленно направлена к установлению трех единств, что они не найдены «случайно»; в этом — основная, руководящая идея книги «Лессинг и драма».

Всем построением книги подчеркивается исторически актуальное значение труда Лессинга: его борьба с французской классической апологией коронованных героев, его взгляды на единство эстетической и исторической правды, влекущее за собой единство характера.

В разделе о комедии И. Альтман говорит о философском значении смеха и приходит к выводу, что «Смех — не что иное, как своего рода катарсис в комедии, так же, как сострадание вызывает катарсис в трагедии». Это утверждение, даже в своей теперешней афористической форме, настолько многообещающее, что мы вправе ожидать специального, обоснованного исследования этого вопроса.

Драматург Лессинг имел у своих немецких современников невероятный успех. Однако немецкие философы и педанты от драмы отнеслись к его драматическому наследию несправедливо и завистливо. Из четырех основных драматических произведений Лессинга три по сей день живо волнуют зрителя. Но и эта «проба времени» не вразумляет несправедливых критиков.

Лессинг был универсально талантливым человеком. Многие историки литературы это игнорируют, Альтман же подчеркивает, и с полным основанием.

Наряду с легендой о Лессинге (пушечной буржуазно-филлистерской критикой), будто между этим честным и последовательным врагом деспотов и прусским деспотом Фридрихом II существовала духовная близость, была создана вторая легенда — о крупном критике Лессинга, который наряду со своими критическими произведениями оставил рассудочные драмы, имеющие только историческую ценность.

Альтман решительно порывает с этой вредной традицией, которой суждена была более долгая власть над умами, чем первой легенде о Лессинге, разрушенной Францем Мерингом. В оценке Лессинга как драматурга Альтман следует за Шиллером, Гете, Гейне и Геббелем, которые выражали глубокое восхищение природным поэтическим талантом великого критика. В чрезвычайно интересном разделе книги — «Лессинг-драматург» Альтман путем полемики с Францем Мерингом, а также с помощью непосредственного анализа основных произведений поэта приводит глубоко обоснованные доказательства его подлинного драматургического мастерства. Особенно выделяются своей четкой убедительностью толкования «Минны фон Барнхельм» и «Натана мудрого».

Долгие десятилетия держались традиции фальсификации Лессинга, на основании которых «Натан мудрый» изображался в истории литературы как «драма о веротерпимости». Альтман вскрывает перед нами настоящую сущность этой драмы.

«В «Натапе» Лессинга, — пишет он, — коллизия иная (чем в новелле Бокаччио о еврее Мельхиседеке, из которой Лессинг заимствовал некоторые тематические мотивы. — Б. Р.), здесь идейное столкновение людей различных идей, религии».

Высокие идеалы Натана ставят его выше остальных персонажей драмы, в которой «...Лессинг противопоставляет ясную мысль Натана суеверию Дайи, его веру в человека — религиозному экстазу Рэхи, дружбу и верность непреодоленной еще подозрительности хравовника, житейскую опытность и умную щедрость — легкомысленной расточительности Саладина..., мудрость и терпимость к людям, широкую идею гуманизма — нетерпимости, человеконенавистничеству, религиозной узости христианского патриарха».

В финале драмы ее логика побеждает: «Сложные, запутанные взаимоотношения людей становятся ясными, как только они отказываются от религиозных предрассудков».

Это толкование драмы, раскрывающее подлинную, живую ее сущность, уничтожает все сомнения, которые, может быть, удерживали до сих пор руководителей наших театров от постановки такой сильной вещи, как «Натан», имеющей глубокое воспитательное значение.

Книга «Лессинг и драма» дает читателю представление о просветителе Лессинге, который никогда, невзирая ни на какие трудности, не отказывался от разработки и провозглашения революционно-демократических идей, о гигантской мощи этого человека. «Революционный мыслитель-олимпиец», он делал в Германии то же, что во Франции делала целая плеяда блестящих просветителей-энциклопедистов». Разбирая взгляды этого поэта и философа, шедшего впереди своего времени и свершившего все, что можно было свершить в данной исторической обстановке, Альтман выявляет духовное величие Лессинга и вскрывает источники его творческой силы.

Книга И. Альтмана приближает к нашей современности лучших передовых людей и передовые идеи прошлого. В этом главная ее ценность.